

Мѣловыя горы, покрытыя лѣсомъ—съ одной стороны, плодородныя поля, тучныя луга, пролегающіе между озерами и затоками рѣки Пела—съ другой, вотъ тѣ дары, которые здѣсь въ изобиліи разсыпаны щедрою рукою Творца.

Пріятная и весьма красивая сама по себѣ мѣстность, на которой расположенъ монастырь, получаетъ еще большую прелесть, отъ той перпенсивы, которая открывается отсюда предъ взоромъ зрителя. По направленію на востокъ, на сѣверо востокъ и на югъ горизонтъ развѣрчивается на цѣлыя десятки верстъ. Тамъ и сямъ синѣютъ озера, нестрѣютъ зеленѣющіе луга съ тучными пастбищами и покосами, выдали отъ нихъ, какъ бы въ туманѣ, очерчиваются села и хутора. Рельефы же и величественнѣе представляется взору зрителя широко раскинувшійся заштатный городъ Мирополье у береговъ рѣки Пела и Удавы.

Въ такомъ прелестномъ и живописномъ уголкѣ пріютилась Бѣлогорская Николаевская пустынь, называемая въ просторѣчій еще иначе—Горналь.

Не даромъ эта мѣстность еще во времена сѣдой древности была однимъ изъ самыхъ населенныхъ мѣстъ узда. Объ этомъ, правда, молчатъ письмены, но безмолвно вѣщаютъ въ изобиліи здѣсь разсыянные курганы, да сохранившіяся два городища, на одномъ изъ которыхъ размѣстилась и сама пустынь.

Здѣсь обитало одно изъ славянскихъ племенъ, по имени Сѣверинѣ, которые оставили по себѣ память въ сохранившихся городищахъ и курганахъ. Обрывистая и утесистая мѣстность сама по себѣ представляла естественную преграду, была еще укрѣплена искусственно и тѣмъ еще болѣе представляла защиту отъ непріятельскихъ нападений; въ случаяхъ же критическихъ, сосѣдній, когда-то дѣйствительно дремучій лѣсъ, пространственно растлавшійся на западъ, давалъ новую подмогу укрыться и спастись отъ непріятельской неволи. Вотъ почему еще во времена сѣдой древности эти мѣста были излюбленными для древнихъ Сѣверянъ.

Видъ историческихъ мѣстностей всегда производить какое-то особое впечатлѣніе, трудно поддающееся описанію. Смотря на нихъ, видишь не просто поля и лѣса, а нѣчто болѣе того, вызывающее массу мыслей и думъ; пустынные мѣстности являются заселенными образами и картинами изъ сѣдой древности, въ особенности если на подмосту является исторія.

По словамъ лѣтописца Нестора сѣверяне: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуше все нечисто, срамословіе въ нихъ предъ отцы и предъ снохами; браци (браковъ) не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нѣю же кто свѣщашася имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряша, творяху надъ нимъ тризну и посемъ творяху кладу (насыпь) велику и возложашуть на кладу мертвеца сожъжаху, и посемъ, собравше кости, вложашу въ судину малу и поставяху на столпѣ на путѣхъ....“

Такія игрища и умышанія женъ происходили на „лѣвичьемъ городищѣ“, на которомъ расположенъ и монастырь.